

Посвящается Герою России Максиму Бахареву

СВОИ

Собрание сочинений военно-патриотической поэзии и прозы

Коллектив авторов

Свои

«BookBox»

2025

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)

Коллектив авторов

Свои / Коллектив авторов — «BookVox», 2025

ISBN 978-5-908037-05-1

Сборник посвящён Герою Российской Федерации Бахареву Максиму Владимировичу — русскому офицеру, настоящему патриоту, богатырю силы духа. В результате страшного боя он потерял весь свой отряд, и чудом его самого смогли спасти. Последствия тяжёлых ранений не стали поводом для депрессии, а оказались вызовом на пути к торжеству силы духа и преодолению человеческих ограничений как физических, так и ментальных. Патриотизм, любовь к Родине — это не пустые слова для русского офицера, это его судьба и смысл жизни. Сегодня пример доблести Максима Бахарева остаётся образцом героизма и мужества, веры в себя и своё дело, напоминая нам о том, что действительно важно и ценно, объединяя вокруг себя молодое поколение, а также современных поэтов и писателей, в том числе авторов — участников СВО. В сборник вошли произведения, посвящённые Великой Отечественной войне, Афганской и Чеченской войнам и, конечно, специальной военной операции на Украине. Память о подвиге Максима Бахарева и других героев России сохранится не только на страницах издания, но и в сердцах благодарных читателей.

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-908037-05-1

© Коллектив авторов, 2025

© BookBox, 2025

Содержание

Максим Бахарев	7
А теперь я на войне	9
Война	10
Моя жизнь	11
Армия моя – Россия	12
Дочке	14
Вернуться	15
Не пишет боец	16
Сергей Байбородин (Шаман)	17
Владимир Горелкин	21
Василий Демченко	23
Немцы	23
Танкисты	25
Мотоциклист – регулировщик движения	27
Румынская мамалыга	29
Диверсанты	30
Немецкий туалет	31
Похоронная команда – военный катафалк	33
Отступление немцев и приход наших войск	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

СВОИ

© Издательский дом «BookVox», 2025

Посвящается Герою России Максиму Бахареву

Максим Бахарев

Максим Владимирович Бахарев – военнослужащий Вооружённых Сил Российской Федерации, капитан, командир взвода ПТУР. Герой Российской Федерации.

С осени 2022 года участвовал в специальной военной операции на Украине. Позывной на фронте – БМВ, Бумер.

22 июля 2024 года проявил мужество и решительность при выполнении поставленной задачи на Запорожском направлении СВО. Максим Бахарев сумел грамотно организовать оборону одного из населённых пунктов. Попал под миномётный обстрел, получил множественные ранения рук и ног, но, несмотря на это, продолжал командовать вверенным ему подразделением и остановил наступление противника. В ходе боя капитан лично уничтожил 2 танка, 4 БПМ ВСУ, а также около 20 членов вооружённых формирований Украины.

9 октября 2024 года министр обороны РФ Андрей Белоусов вручил Максиму Бахареву «Золотую Звезду» Героя Российской Федерации. Церемония прошла в Центральном военном клиническом госпитале имени П. В. Мандрыка, где военнослужащий проходил лечение после полученных ранений.

До специальной военной операции Максим Бахарев работал преподавателем секции карате в ДК «Московский» города Москвы. Является автором девяти книг, среди которых сборники «Завтра» и «Подсолнухи. Позвони мне», посвященные событиям в зоне СВО.

А теперь я на войне

Напеваю песню
В блиндаже у печки.
Были мы с тобою,
А теперь в разлуке.

Керосинка тускло
Освещает фото.
Платице и шорты —
Мы с тобой на море.

А теперь
Я на войне.
Ты ждёшь меня
Без сна.

Но а теперь
На фронте я.
Твоя печаль
Свела меня с ума.

День меняет ночь,
Словно часовой.
Пролетает месяц,
Словно птица.

В блиндаже у печки
Я встречаю зиму
В войсковом бушлате —
Ты в красивой шубе.

А теперь
Я на войне.
Ты ждёшь меня
Без сна.

Но а теперь
На фронте я.
Твоя печаль
Свела меня с ума.

26.02.2023

Война

Долго тянутся дни:
Война замедлила ход.
И мы как будто висим —
Без парашюта прыжок.

Так долго я без тебя
Не оставался один.
И рвётся в теле душа
В плену арктических льдин.

Война
Перекрыла дыханье,
Пережала сосуды
Всей своей массой,
Задавила мой сон
Миллионами тонн,
Надавила на боль.
В моём сердце жила
Крупинка тебя.
Война.

Руки ищут покоя.
Бьёт война по ногам.
И с ума сошло тело —
Я плыл не к тем берегам.

Без тебя слишком долго
Себе я быть не давал.
Душа дрожит на иконку
Свечой закатного дня.

Война
Повредила суставы,
Поломала сознание
Всей своей массой,
Задавила меня,
Оковами зажала
Грудину и шею
И сердце моё,
Где крупинка тебя.
Война.

09.03.2023

Моя жизнь

Моя жизнь перестала быть моею.
После приказа встать в строй.
Так определено судьбой.
Я приму это с честью, я приму этот бой.

Чаша весов – в ней нарушен баланс.
Мир повернулся на триста шестьдесят.
Здесь я узнаю, мне ли выпал тот фарт.
Или дама пик извлекла свой квадрат

Из моих пятидесяти зим?!
Или весна остановит мой путь?!
Рок мой нарушит свой алгоритм?!
Покажет судьба вечности суть?!

Чугунным литьём – кандалы,
Перебиты запястья и стопы мои.
Вспомню, как сил не хватало на вдох
И только молитвами жил до сих пор.

И только лишь стон прорывал хрипоту.
Через лёгкие кровь, плевком на снегу.
Вытерся группы шеврон на плече.
Номер жетон хранит тебе обо мне.

Память, в которой я молод.
Молодость, где моя память.
Хмель, вода и ячменный солод.
И плечи твои меня манят.

К тебе, шагая тропами войны,
Не забывая цвет твоих глаз...
Я не забыл твои ароматы.
Вернусь, возвращаюсь назад.

Потеряв свою прежнюю жизнь,
Знаю, примешь меня и простишь.
И отмоешь меня от войны,
Возвращая былую чистоту души.

10.03.2023

Армия моя – Россия

Вспышка сигнальной ракеты
Чёрное небо взорвёт.
Дозорный на вышке доложит,
Всю роту поднимет в ружьё.

Сладкий сон бойцов растворится,
Словно сахара кусок в кипятке.
Без страха в бой ворвутся
Матушки России сыны.

Армия моя – Россия.
История многих веков.
И кого мы только не били,
И каких не встречали врагов!

Дмитрий Донской и Суворов,
Пётр I и граф Ушаков,
Александр Невский и Сталин
Били всех, и мы всех побьём.

Жуков, Нахимов, Голицын,
Будённый, Потёмкин, Кутузов,
Долгорукий и Багратион —
Били всех мы, и тоже, мы тоже
На лопатки положим врагов.

Тревога поднимет бойцов,
Матушки России сынов.
Каждый отдаст часть души
За свободу своей Страны.

Каждый из них найдёт в себе дух
И, если в могилу, возьмёт с собой двух.
И если так надо, чтоб Россия жила,
Мы не будем сдаваться – это наша война.

Мы грянем «Ура!» и встанем,
Всю нечисть сотрём с глаз долой,
Чтобы были свободны все дети.
За Отчизны победу поём.

Мы встанем, кровью смоем,
Новой кровью за наших отцов,
Чтобы Русь и Россия свободной
Оставалась до скончания веков.

Армия моя – Россия —
От Волгограда и до Кремля.
Чистое небо без ИГА —
От Камчатки до Выборга.

Армия моя – Россия.
История многих веков.
И кого мы только не били,
И каких не встречали врагов!

Дмитрий Донской и Суворов,
Пётр Первый и граф Ушаков,
Александр Невский и Сталин
Били всех, и мы всех побьём.

Жуков, Нахимов, Голицын,
Будённый, Потёмкин, Кутузов,
Долгорукий и Багратион —
Били всех мы, и тоже, мы тоже
На лопатки положим врагов.

18.03.2023

Дочке

Варварушка моя,
Дочь милая, любимая,
Я с фронта строчкой
К тебе лечу с молитвой.

Здесь дождь, я прячусь
Под навесом в капюшоне.
В руках сжимаю автомат.
Когда-то на руках держал тебя я.

Но не грусти:
Война пройдёт, домой вернусь.
Меня обнимешь ты —
И словно не было разлуки.

Варвара, доченька моя,
Срок службы близится к концу,
И поезд мой готов везти домой.
В наш дом с собакой и котом.

Но а пока
Ещё немного повоюю,
Чтоб сохранить родных покой,
Мир в небе над страной
И скромный вклад внести,
Пусть небольшой...

27.02.2023

Не пишет боец

С фронта давно не пишет боец,
Между боями совсем времени нет.
И если просто форму зашить и сапоги,
Хуже, когда латать приходится мышцы свои.

Взять карандаш и листок бумаги,
Но руки дрожат, и не выводится буква.
Иной раз морозы или дожди
Лишь в голове и мыслях – домой письма.

Выйдет в поле и вскинет руки.
К небу глаза, но дышать не может.
Мама опустится враз на колени:
«Господи!» – и крест на себя наложит.

Последний тот бой – выжил лишь чудом.
Пуля прошла мимо, и осколки легли рядом.
Ещё один товарищ пал на землю загерою.
Смертельный суп в котле – из убитых варево.

С фронта давно не пишет боец.
Радист доложил: связи с миром нет.
Обливается кровавым потом луна.
Осталось немного, развязка близка.

Выйдет в поле и вскинет руки.
К небу глаза, но дышать не может.
Мама опустится враз на колени:
«Господи!» – и крест на себя наложит.

22.01.2024

Сергей Байборodin (Шаман) Журавли¹

Памяти моего боевого друга Зенита

Тревожную тишину разрезал противный свист мины. Ударившись о землю недалеко от дома, у которого укрылись бойцы разведгруппы, она разорвалась с оглушительным треском, подняв столб дыма вперемешку с комьями земли. По стене дома и по ветвям стоящего рядом дерева смачно зашлёпали осколки.

– К бою, по местам! – скомандовал командир группы с позывным Зенит.

Группа занимала неплохую позицию среди наваленных друг на друга толстенных, в два-три обхвата, тополей. Сырая и мягкая древесина тополя практически не давала щепы при попадании в неё осколков, пуль, что было большим преимуществом этого дерева, поскольку при взрыве щепки становились дополнительным источником поражения. К тому же брёвна надёжно маскировали и защищали от дронов.

Разведгруппа, командиром которой был Зенит, получила задание провести разведку боем на окраине села Волчанки, где организовала оборону 57-я ОДШБр ВСУ. Помимо него, в группе было пять человек: Гром, Петля, Муха, Кум и Серый. Они должны были спровоцировать противника на огонь, чтобы обнаружить его огневые точки для последующего нанесения удара артиллерии.

На исходной позиции парни из миномётки кинули несколько мин с дымами. Они под прикрытием дымовой завесы, скрытно, как он думал, по оросительному каналу миновали пустырь, отделяющий их от крайней улицы, и обосновались на взгорке у полуразрушенного дома. Было понятно, что их обнаружили, и как будут развиваться события – известно только небу.

Пятачок, на котором закрепилась группа, в одно мгновение превратился в филиал ада на земле. Били одновременно 82-й и 120-й миномёты, СПГ. Ухали один за другим разрывы миномётных снарядов. Хлётко, со звоном взрывались гранаты СПГ. Было впечатление, что всю огневую мощь обороны вэсэушники обрушили на этот несчастный клочок земли. Причём били прицельно, куда надо, а значит, знали координаты.

– Дрон, наверное, срисовал нас всё-таки, когда по меже двигались, – обратился Зенит к Мухе, занявшему позицию справа от него.

– Он, падла. Ты видел, как прицельно бьют? Уроды. Видать, скинул цифры арте.

Справа с пригорка злобно залаял АГС, плюясь остервенелой пеной своих паскудных гранат. Бойцы больше всего не любили его за то, что ранения от ВОГ всегда сложные. Тонкие извилистые осколки очень плохо извлекались и часто навсегда оставались в теле раненого бойца неммым свидетельством войны, регулярно напоминая о себе болью.

Первые гранаты легли метрах в пятидесяти от укрытия.

– Пристреливаются суки, – сквозь зубы процедил Зенит. – Сейчас скорректируются, и жить нам, сколько продержимся.

– Что будем делать, командир? – с тревогой спросил Муха.

– Кобыле хрен приделаем и за мерина продадим. Откуда я знаю?

– Зажали нас, ни назад ни вперёд. И там, и там мёртвая зона. Выбраться под таким огнём шансов нет. Ляжем тут все.

¹ Место, время, наименование населённых пунктов, номера воинских подразделений намеренно изменены. Любое совпадение случайно.

– Не каркай, братуха, и не хорони себя раньше времени, – ободряюще подмигнул Зенит, – час-полтора осталось, и стемнеет. Даст Бог, продержимся, а потемну парами попробуем выско-
чить.

– Дрон, наш проводник, видел, где мы. Может, помощь будет или арта наша в ответку
сработает.

– На може нет надёжи. Помощи ждать нам неоткуда. Сюда сейчас даже мышь не проско-
чит. Маякни Куму с Серым, чтоб правее метров на десять ушли – сидим сильно кучно.

Муха знаками показал бойцам сменить позицию и вопросительно повернулся к Зениту.
Тот внимательно изучал прилегающий участок.

– Поставленную задачу мы выполнили, хлопцы вон все карты открыли. Будем теперь
решать задачу, как выбраться отсюда, – ответил тот на его немой вопрос.

Обстрел не прекращался. Небо почернело от дыма разрывов, в воздухе стоял терпкий
смерд тротила. Слева заработал крупнокалиберный пулемёт. Пули с хлюпаньем впивались в
стволы деревьев, но бойцы по этому поводу особо не тревожились. Толстые брёвна тополей
пробить пулемёту, даже крупнокалиберному, не под силу.

Другое дело АГС: пристреляется точнее и гранаты начнут сыпаться в расщелины. Если
его не заткнуть, он рано или поздно достанет всех...

От дыма, гари и адреналина ужасно хотелось пить. Зенит сунул руку в разгрузку, где
обычно носил небольшую фляжку с водой. Карман был пуст.

«Выронил, наверно?» – подумал он.

Потом вспомнил: когда собирались, он, набрав воду, поставил фляжку на стол и стал
надевать разгрузку. В это время в комнату вбежал Кум и сказал, что всю группу срочно вызы-
вает к себе Змей – командир роты. Второпях он и оставил её на столе, о чём сейчас жалел.

Разведрота 132-го полка 53-й ОМСБр квартировалась в селе Кринице, что недалеко от
Волновахи. Село совсем небольшое, в нём даже магазина не было, только лавка передвижная.
Когда он вспомнил про воду, шагая по улице к командирской хате, купить её было негде. Потом
в суете сборов и вовсе забыл об этом.

Метрах в семи был удобный выступ, откуда можно было отработать по АГС, но для этого
надо было перелезть через брёвна и открыться на пару секунд. Левее заняли оборону Гром с
Петлём.

– Гром, прикройте меня. Где Петля?

– Двести Петля, осколок прямо в висок, под шлем, даже не ойкнул. Вон он у камня.

– Принял, давай сам. Две длинные, две короткие.

– Подсоби Грому, – повернулся Зенит к Мухе, – на раз-два – ноль.

– Лады, командир, сделаем.

– Раз-два – ноль, – скомандовал Зенит и, согнувшись в пружину, обхватив руками пуле-
мёт, прихватив запасной короб, перекатился через бревно и броском кинулся под выступ.

От напряжения лоб покрылся испариной, спина под бронёй стала липкой от пота.

«Стареешь, брат, – с ухмылкой подумал он про себя, – на покой тебе надо. Дай Бог,
выберемся отсюда, больше ни ногой на войну!»

Заняв позицию под выступом, установил пулемёт, упёр сошки в выступающий из земли
валун и замер на секунду в ожидании, выискивая глазами цель. Сейчас уже он был охотником,
выслеживающим свою добычу, и решал, как ему лучше накрыть расчёт.

В бою часто время замедляет свой бег либо совсем останавливается. Порой тебе кажется,
что ты непозволительно долго принимаешь решение, а по факту проходит лишь мгновение.

Вновь глухо залаял АГС. Теперь гранаты ложились на их позиции.

Справа вскрикнул и застонал Муха, но Зенит даже не обернулся. Он хищным взором
впился в кусты на пригорке, метрах в семистах, и, заметив характерные дымки, нажал на спус-
ковой крючок.

Разрядив полкороба одной очередью, прекратил огонь, чтобы не перегреть ствол. По трассёрам, которые предусмотрительно вставил в ленту, было видно, что пули ложились точно в цель. АГС замолчал. Для убедительности отпустил в сторону врага ещё две длинные очереди и, только опустошив короб и убедившись, что выполнил задачу, повернулся к Мухе.

– Куда тебя? Сильно?

Муха не отвечал. Свернувшись калачиком, он лежал между брёвен и тихо стонал. Пропиела полька, паскудная мина, которая не издавала характерного свиста и не давала возможности предугадать прилёт. Ударила в бревно рядом с Мухой, тот дёрнулся и затих. Было понятно – он тоже двести.

– Муха минус, – обратился Зенит к Грому.

– Твою мать! А Серый с Кумом как?

– Не знаю, мне отсюда их тоже не видать. Надеюсь, живы.

– Командир, левее меня на десять часов, метров сто – сто пятьдесят, вижу движение. Три-четыре фигуры за трансформаторной будкой.

– С фланга решили зайти хлопцы. Дай по ним карандашом с трубы, пусть остынут.

Зенит только на войне узнал, что у РПГ-7, самого надёжного гранатомёта в мире, есть не только кумулятивные гранаты. Есть, например, тандемные – «Резюме», термобарические – «Танин». А ещё есть осколочная граната – «Осколок ОГ-7В».

На самом деле это достаточно серьёзный боеприпас, напоминающий по форме карандаш с множеством колец. Он несёт в себе до 1000 осколков, и площадь в 150 квадратных метров покрывает сплошным, плотным осколочным полем. Уцелеть под этим полем очень сложно, а если ты не в окопе, то практически невозможно.

– Я тебя прикрою, – сменив короб и развернувшись в сторону Грома, сказал Зенит. – Давай! – открыв огонь по флангу, крикнул он.

Гром привстал из укрытия. Выстрел – и граната, издавая шипящий звук, ушла в цель. Сработал он как надо, осколок лёг аккуратно под трансформатор, и, рупь за сто, ребята там этому не были рады.

Место, откуда работали пулемёт с гранатомётом, на той стороне наверняка засекли – нужно было быстро менять позицию.

– Отходи за угол дома, я прикрою, – крикнул Зенит Грому и, прильнув к пулемёту, открыл огонь.

Гром, пригнувшись, насколько это было можно, короткими перебежками скрылся за углом.

В ту же секунду в дерево абрикоса, стоящего у дома, попала сто двадцатая. Она разворотила дерево: оторвав макушку, швырнула её на крышу дома, раскидав вокруг ветви.

Зенит не слышал взрыва, было ощущение, что прямо в голове ударили в колокол. Он почувствовал боль и жжение в левом боку, понял, что ранен. Попробовал перевернуться, но ноги отказывались его слушаться. Ухватив правую ногу под коленом, с усилием перевернул себя. От этого движения потемнело в глазах, и он потерял сознание.

По занятой ими позиции одна за другой ложились мины, перемалывая деревья и смешивая их с землёй, непрерывно долбил пулемёт.

Спустя какое-то время в ответ заработала наша артиллерия. Зычно ухали крупнокалиберные снаряды гаубиц и САУ. Выпью болотной запели в небе снаряды «Градов», перемалывая в кашу линию обороны противника. Сценарий Армагеддона изменился и, усилившись многократно, обрушился на врага. Наступила тишина.

Он лежал на спине, устремив взор к небу, по которому неспешно тянулся журавлиный клин, оглашая окрестности своим курлыканьем. Журавлям не было никакого дела до того, что творится внизу, что там война и гибнут люди. Они летели на север к местам своих гнездований.

«Летит, летит по небу клин усталый, летит в тумане на исходе дня»², – пронеслись в голове слова легендарной песни М. Бернеса.

Отведя взгляд, безучастно посмотрел на лежащий рядом, искорёженный осколками пулемёт. Ему больше не было больно – просто стало как-то холодно и неудобно. Зенит понимал, что умирает, но это его не пугало.

Он знал, куда шёл, был готов к этому. Ему представлялось, что просто уходит куда-то по делу и непременно скоро вернётся.

Тревожно было только за Настюшку, его любимую дочурку.

«Как она без меня? Кто ей поможет войти во взрослую жизнь? – озадачился он. – Эх, не сдержал я своего обещания, Настюша, не свозил тебя на море, ты уж прости отца, не обижайся, любимая».

Скупая мужская слеза скатилась по щеке.

Силы оставляли его, глаза застилала пелена, голубая, как небо. Навалилась какая-то нечеловеческая усталость, усилился озноб.

Он прикрыл глаза и провалился в полузабытьё. Привиделась его мама Степанида Ивановна, всегда добрая и ласковая женщина.

Вдруг увидел себя мальчиком. Вот он, набегавшись на улице и озябнув до клецанья зубов, прибежал домой. Быстренько скинув пальто и валенки, забравшись к маме на колени, прячется у неё на груди, прижавшись всем телом. От мамы вкусно пахнет домашним хлебом, ему тепло и уютно.

Он открыл глаза, взглянув на небо. Проводил взглядом улетающий журавлиный клин и вновь погрузился в забытьё.

Теперь мама, сидящая у печи, ласково говорила с ним, манила к себе:

– Иди, Санечка, на ручки ко мне, я тебя согрею, а то озяб совсем.

– Иду, мамуля, – отвечает он, делает шаг и проваливается в густой синий туман.

Спи спокойно, солдат. Славен был твой путь!

² Строки из песни «Журавли», слова Р. Г. Гамзатова, музыка Я. А. Френкеля.

Владимир Горелкин Весна

Он шагает по весенним скользким дорогам, теряясь в жидкой тени голых веток кустарников, рыхлых складок рельефа. На десятый день необъявленной войны улёгся звериный огонь адреналина и остался простой холодный расчёт да человеческая осторожность. Бесшумная походка след в след впереди идущему, невесомая тяжесть оружия стали новой привычкой, без которой не жить.

Полуразрушенный дом – «Проверено, мин нет», – можно сделать короткий привал. Одна стена дома обвалилась, обнажив воспоминания чьей-то жизни, протекавшей здесь всего полторы недели назад. Оголённый интерьер вывернул наизнанку в холодный мартовский день своё нутро, превратив её в музейный паноптикум, театр абсурда.

Стол у окна накрыт белой скатертью с заботливо наутюженными складочками, на столе ваза с увядшими цветами. На стене старое семейное фото, чуть ниже глянцевый календарь с образом Божьей Матери.

Он устало садится на единственный уцелевший стул, даже не смахнув с него пыль. Сквозь пустой проём окна виден сад, дальше за ним – поле. На деревьях набухли почки и напоили воздух тонким запахом весны. Над головой вместо крыши одно лишь высокое утреннее небо.

Выстрела он не слышит, неловко падает, завалившись вместе со стулом набок, и так лежит, не мигая, с открытыми глазами, прижавшись небритой щекой к усыпанному сухой штукатуркой полу.

* * *

Она лежит в тёмном подвале на обломках досок и битых кирпичей. Через огромный проём в стене виден утренний рассвет.

Сюда она перебралась неделю назад, вместе с другими жильцами пятиэтажки, после того, как к ним во двор, прямо на детскую площадку, въехали танки. Угрюмые танкисты принялись их окапывать, зарывая в землю по самую башню. Стволы танков упёрлись в пространство притихшей улицы, настороженно замерли.

Она стоит у окна подвала, придерживая снизу обеими руками большой живот, и смотрит фильм про войну. Ей кажется, что сейчас кино закончится, а потом, как всегда, хлопнув дверь, домой вернётся он, весёлый, слегка небритый, обнимет её...

– Отойди от окна, нельзя здесь стоять! – кто-то тянет её за рукав вглубь подвала.

Она слышит грохот взрыва, её бросает на пол, сознание накрывает темнотой.

Она лежит в разбитом подвале на обломках досок и кирпичей бесконечно долго – так кажется потому, что бесконечно долго больно внизу живота и мокро.

Тишина давит нестерпимым звуком и болью в висках. Упавшая стена закончила все разговоры и причитания соседей, оставила только оглушительную тишину да пыль.

Она кричит в эту тишину от боли протяжно и безутешно до тех пор, пока снизу, у ног, ей не отзывается тонкий плач беззащитного существа.

* * *

Трое бегут по весеннему саду. Он большой, сильный, она смешливая и хрупкая. Их пятилетний сын, широко расставив руки, ловит бабочку.

На горизонте клубятся облака.

В самое сердце к нему, непрошеным гостем, когда-то поселилась пуля, теперь ноет глухой болью – как всегда, к дождю.

Март 2022 г.

Василий Демченко Война пришла в хутор 1-й Русский

Немцы

После ухода последней группы наших войск в сторону Моздока незначительное по времени затишье продолжалось 20–23 августа. С утра 22 августа прошёл дождик. Перед обедом 23.08.1942 мы, дети, сидели под нашей хатой на центральной улице хутора 1-го Русского (сейчас Кооперативная, 88) в тенёчке на завалинке: я со старшим братом Гришей и Толик, Шура Басанько, Островский Толик – наши соседи. Тогда наш хутор 1-й Русский входил в Моздокский район и располагался в 10 км севернее г. Моздока. Время послеобеденное, знойное и безветренное. С северной окраины хутора со стороны сельпо и из-за Невольки были слышны звуки чего-то приближающегося к хутору с нашей горы. Видеть, что там происходит и какая техника подошла к Невольке, мы не могли. Но звуки работающей техники и иногда прорывающиеся командные возгласы на неизвестном и непонятном языке к нам доносились оттуда довольно долго. Ведь расстояние от моста на Невольке до завалинки составляло менее километра. Мы понимали: что-то должно произойти и мы можем стать свидетелями этого. По истечении примерно полутора часов ожидаемое нами событие случилось. Оттуда, из-за сельпо, послышался какой-то непривычный для нас звук. Звук для хутора был необычным. На него отреагировали даже затихшие в эти тревожные дни собаки своим как бы беспричинным лаем. Когда же с запада на дороге возле сельпо появилась с облаком пыли сзади мчавшаяся на приличной скорости танкетка, мы убежали во двор и оттуда из-за угла наблюдали за ней и оставшейся после неё стеной поднятой пылью.

Танкетка выскочила на центральную улицу хутора с дороги к горе, проскочив мост через Невольку у сельпо, восстановленный передовым немецким отрядом 6-й роты 394-го мотопехотного полка.

Танкетка на скорости промчалась по уличной дороге до восточной окраины хутора и вскоре с таким же эффектом промчалась назад. Это, как теперь понятно, была немецкая разведка. Спустя какое-то время опять с западной окраины хутора со стороны сельпо послышались какие-то тархтящие звуки работающих моторов. Вначале по той же уличной пыльной дороге промчались штуки четыре-пять мотоциклов с колясками, в которых сидели немцы в касках и с автоматами в руках. И это были первые немцы, которых увидели и запомнили хуторяне, и мы, дети, в том числе.

Не успели стихнуть звуки мотоциклов, как громче и с нарастающей силой стали слышны приближающиеся с запада ещё более необычные, тяжёлые по вибрации звуки работающей неизвестной техники. Казалось, что от этих звуков земля начинает вибрировать. Но так оно и было на самом деле, потому что по улице на хорошей скорости шла колонна тяжёлых танков с фашистскими крестами на башнях и закрытыми люками. Танков было не менее шести-восьми штук. Один из танков у нашей хаты резко повернул вправо – и в обозначенный поперечной жердью воротный проём на полном ходу въезжает в наш двор прямо на привязанную налыгачем к тутовому пеньку, доставшуюся буквально накануне от колхоза корову из числа не угнанных на восток в буруны. Пенёк был древний, толстый и оголённый от коры. Громкие и тяжёлые звуки танковых двигателей с вибрацией земли и надвигающаяся железная громада танка испугали корову настолько, что она обрывает верёвочную привязь – налыгач – и как очумелая убегает от танка в сторону огородов. Больше эту корову мы не видели.

Конечно, страшно было не только корове и собакам, которые утихли и куда-то поразбежались и попрятались, но и всем взрослым, и особенно нам, детям от трёх до семи лет. Ведь такого звука, такой вибрации земли в хуторе и в хате никогда не было. Впечатление такое, что от вибрации земли саманная хата вот вот рассыпется и придавит нас. Мы с братом Григорием жмёмся к маме, а она молится на икону в правом углу с горящей под ней лампадкой. И это один из первых детских страхов войны, запомнившихся мне навсегда.

Танкисты

Мы с братом через окно в сенцах видим, что тяжёлый танк, легко выкорчевав тутовый пенёк толщиной около полуметра, к которому была привязана корова, не снижая скорости, устремился прямо в огород по участку, где буквально накануне нами была выкопана картошка. В конце огорода, а это метров девяносто от дома, танк остановился с поднятым стволом, направленным на юг, в сторону города Моздока, до которого по прямой было около десяти километров. А до рисового канала, линия которого возвышалась над южным горизонтом, было менее километра. Двигатель танка при этом продолжал работать на холостых оборотах. Время было уже скорее предзакатное.

Поскольку немцы опасались наших со стороны Моздока, то, значит, в хутор они вошли раньше, чем наши войска оставили Моздок. За Моздок наши войска упорно сражались с передовыми немецкими частями и с их подтянутыми к городу резервами. Взять Моздок немцам удалось только 25.08.1942. А освобождён от немцев город был 03.01.1943. В наш хутор немцы вошли 23.08.1942, а ушли из хутора не позже 03.01.1943 – даты взятия Моздока. Таким образом, оставшимся в хуторе жителям довелось пробыть в немецкой оккупации, на оккупированной территории, как потом писали в анкетах, чуть более четырёх месяцев. И этот период оставил в моей жизни значительный след.

Танк в конце огорода по непонятным причинам оставался на своей позиции весь остаток 23 августа, а потом ушёл полем (не через двор) на юг, в сторону Моздока. Момент ухода танка с его позиции в нашем огороде для нас с братом остался незамеченным, но, скорее всего, он выдвинулся в сторону Моздока рано утром 24.08.1942, когда мы ещё спали, и присоединился к уже начавшим атаку города танкам 2-го батальона 6-го танкового полка боевой группы полковника Фрейхерра фон Либенштайна, которая на рубеж обороны города выходила по направлению Эдиссия – Графский – Весёлое – Моздок. Но уже 24 августа, по данным ЦАМО № 236, в штурме обороны Моздока участвовали «8 танков, вышедших из района Русский 1-й». Здесь имеются в виду танки боевой танковой группы Вестхофена, которая на рубеж обороны города выходила по направлению Эдиссия – хутор 1-й Русский – Моздок.

А вот немецких танкистов, выбравших в качестве ночной стоянки конец нашего огорода, в их специфической одежде я хорошо помню, так как они в поисках «курка, яйца, млеко, сало» под вечер приходили во двор и в хату к маме буквально в день своего появления. Сала, которого они требовали от мамы, им не досталось, так как его остатки мама дня за два до этого закопала на дне земляного погреба, а вот яиц и накануне выкопанной картошки им перепало. Яйца они нашли и выгребли из насестов в курятнике, а картошку набрали из бурта во дворе. А вот действия танкистов, одетых в свои шлемофоны и специальные, тёмного цвета, красивые формы, при «охоте» на наших домашних кур являются типичным сюжетом о войне для режиссёров советских да и российских фильмов. Подобные киношные кадры, практически ставшие штампом или, как теперь говорят, мемом, мне доведётся потом посмотреть на киноэкранах не один раз. А тут вот в реальности и вживую.

Правда, кур, а их у нас водилось десятка два, двое танкистов отлавливали сами, и тоже ни о чём никого не спрашивая. Ситуация войны и незнание языка как средства общения, возможно, оставляют какие-то лазейки для вот такого бесцеремонного – «грабительского» – поведения уже тогда «цивилизованных» европейцев по отношению к нам, «аборигенам». Эта по времени предзакатная того же солнечного августовского дня картина, когда два танкиста, одетые в свои отличающиеся от всех других комбинезоны – формы со шлемофоном на голове, гоняются в нашем дворе за нашими ещё не успевшими устроиться в курятнике на жёрдочках и насестах для ночёвки курами, падают, вскакивают и с радостными, чуть ли не детскими лицами и возгласами наконец ловят двух куриц. По возрасту танкисты выглядели лет на 30–40, но

весёлые выражения их лиц, азарт и возгласы на непонятном для нас языке при «охоте» на кур были по-юношески эмоционально окрашены. В моей памяти действия танкистов в процессе вот такой «охоты» остались и всплывают сейчас в цветном виде. Эти картинки появились не из киношных или книжных картин и не из чьих-то рассказов – это я видел своими глазами и запомнил на всю жизнь. Я и сейчас прекрасно помню, насколько сильно были испачканы пылью спереди (ведь падать приходилось на животы) красиво смотрящиеся до этого костюмы танкистов, когда они, каждый держа в одной руке курицу за ноги вниз головой, удалялись со двора в конец огорода к своему танку, обсуждая с чуть ли не юношескими улыбками на лице все перипетии ловли кур. А уже ближе к вечеру в конце огорода, где стоял танк, появилась струя дыма – это танкисты варили себе пойманных во дворе кур на ужин.

«Наш» танк эту ночь провёл на своей позиции в конце нашего огорода, а у экипажа перед броском на Моздок получился прекрасный вечер и ужин с курицей, горячим бульоном и, возможно, со шнапсом.

Мотоциклист – регулировщик движения

В нашей хате осенью какое-то время квартировал немец, разъезжавший на трёхколёсном мотоцикле с люлькой. Ростом он был выше мамы, со стройной фигурой и с немного рыжими волосами. Мотоцикл, когда немец отдыхал, стоял в нашем дворе, и у нас с братом было достаточно времени изучить его и содержимое люльки. А в люлке было очень много раскрашенных жестяных кругляшек, нанизанных на тонкие круглые и короткие деревяшки. Раскраска была, как мне показалось, забавной: какие-то стрелки то прямо, то вправо, то влево и многое непонятное ещё. Теперь-то понятно, что это были дорожные регулировочные знаки, а «наш» мотоциклист был именно регулировщиком, в задачи которого входило указывать направление движения наступающих немецких механизированных колон.

Осенью 1942 года на Кавказском фронте продолжение наступления немецких войск застопорилось. Линия фронта на восток от Моздока установилась в ногайских бурунных степях, а на юг, в сторону Грозного, передовая дальше ст. Вознесенской и Малгобека не продвинулась. Поэтому наш квартирант этот отрезок времени осени 1942 года остался без работы. Мотоцикл нашего квартиранта с красивыми и непонятными «игрушками» целыми днями простаивал у нас во дворе.

Тогда эти «игрушки» мне показались очень забавными, и я, втихую от всех и даже от старшего брата Гриши, утащил их в огород, где и спрятал в ещё не убранной кукурузе, ряды которой стояли стеной. Сколько эти «игрушки» были моими и играл ли я ими, не помню. Но через какое-то время дорожные знаки понадобились по прямому назначению своему хозяину, который, не найдя их в люлке, оперативно вычислил похитителя, схватил за руку и начал кричать что-то на меня, держа пистолет в руке. Он был расстроенный и злой. О чём он кричал – мне понятно не было. Когда он подтащил меня к мотоциклу и показал на люльку, я, конечно, догадался – чего добивается от меня немец, но, пока он не подключил к дознанию маму, несмотря на пистолет в его руке, молчал как партизан.

Мама, держа за руку, отстегала меня хулудиной, с каждым ударом спрашивая:

– Васька, шо ты у ёго взял?

Должен сказать, что удары хулудиной, если они плотно прилегают к спине или попе, очень болезненны, почти как кнутом. Долго выдержать эту экзекуцию и пытку я не мог и, хныкая, повёл маму, а следом и немца в кукурузу. Все регулировочные знаки, к радости немца, были целы, и он, схватив их, умчался куда-то на своём мотоцикле.

Так получилось, что после этого наш постоялец подружился со мной. Он стал угощать меня сладостями и иногда даже катал на своём мотоцикле. Во всяком случае, вкус галетного печенья, которым он меня угощал и которое я впервые видел и пробовал, помню с тех пор.

Так же прекрасно помню одну поездку с ним на мотоцикле. В один из солнечных и тёплых дней конца октября или начала ноября он позвал меня к мотоциклу и показал, что я должен сесть в люльку. Но кто же в моём возрасте откажется от такого? Мотоцикл завёлся, и мы выехали со двора. По улице доехали до селпо и по мосту через Невольку (тому самому – восстановленному немцами; кстати, в таком виде этот мост простоял и прослужил хуторянам десятилетия после окончания войны) поехали в сторону нашей горы. Поднялись на её верх, а это от хутора больше километра, и остановились.

На горе я был впервые. Наш хутор с горы просматривался во всю длину. Картина для меня была очень интересной. Стояла поздняя осень, и мне недавно исполнилось четыре года. Погода была чудная: на небе ни облачка и яркий безветренный солнечный день. Лента деревьев вдоль Невольки и сады в огородах, ещё не до конца сбросившие листву, просматривались с этой высоты во всей своей осенней красе с изумительными цветными тонами и полутонами раскрашенной листвы. Отсюда, с горы, и с этого расстояния ты видишь и воспринимаешь не отдельно

взятую веточку или даже не целое дерево, а полосу деревьев, раскрашенных, как на картине, цветными мазками осени для разных пород деревьев. Немец стоял рядом с мотоциклом и долго рассматривал эту завораживающую картину. О чём он думал и какие мысли приходили ему в голову в этот момент – сказать трудно. Но теперь я предполагаю, что он сознательно взял меня с собой и специально ездил на гору полюбоваться с высоты открывающейся во всей своей осенней красе земной природой. Ведь в это время у него там, дома, стояла такая же осень. Он долго молча стоял, смотрел вниз и думал. Я тоже, стоя в люльке, с интересом рассматривал с высоты горы неожиданно открывшуюся для меня природную панораму осени, в которой наш хутор, вписанный в цветное обрамление осенней листвы, создавал непродуманную и ненарисованную прекрасную земную картину, за которой как бы в дымке просматривались очертания трубы кирпичного завода и угадывались контуры высоких зданий элеватора Моздока. А далее за линией Моздока во всю ширину горизонта просматривались северные склоны гор Кавказского хребта, покрытые снегом. Погода была солнечная, и безоблачная панорама горизонта во всю его ширину открывалась с нашей горы и зрительно воспринималась как кем-то придуманная и нарисованная на небесном полотне завораживающая картина. Где-то прямо за линией Моздока мы наверняка видели Казбек, а правее и Эльбрус. Знать название этих кавказских высот я, конечно, тогда не мог, а вот немец знал о существовании и Казбека, и Эльбруса и очень долго любовался отрывшейся панорамой Кавказского хребта и двух его самых известных высот. В том, что немец знал о Казбеке и Эльбрусе, я теперь абсолютно уверен. И совсем не случайно он выбрал именно вот такой по погоде прекрасный день и поднялся на мотоцикле вместе со мной на гору. Вряд ли в этот момент, долго находясь рядом с немцем на нашей горе, я в свои неполные пять лет о чём-то серьёзном мог думать – я просто смотрел и запоминал.

А вот сейчас я думаю, что этот рыжеватый немец был мечтательным и романтичным человеком с доброй душой, которому эта война была совершенно не нужна и уже, возможно, успела порядком надоесть. Скорее всего, у него там, дома в Германии, остались дети (возможно, такого же возраста, как и я), которых он любил и собирался приучить в жизни к хорошему и доброму. Я очень благодарен ему за эту неожиданную поездку и молчаливый урок природоведения и любви к природе. Кроме того, мне надо его благодарить и за те пищевые добавки – невиданные в хуторе даже после войны шоколадки и галетные печенья, которые перепали мне от него и были так необходимы организму в моём возрасте. А вот кто он и смог ли остаться живым в этом военном круговороте тех лет – неизвестно.

Румынская мамалыга

Ближе к зиме мотоциклист-регулировщик куда-то исчез, а в хуторе и у нас во дворе и хате появились румыны. Стояла поздняя осень. Дни и особенно удлинившиеся ночи были уже достаточно холодными. Военский состав немецких и румынских соединений для тепла и уюта расквартировывался в хатах жителей хутора, которые после Покрова уже начинали обогреваться печами. При этом согласия на размещение солдат в хате у хозяев этих хат никто не спрашивал. Солдаты заходили в хату и сами определялись: кто и где будет коротать ночи. Они в хуторе чувствовали себя хозяевами и вели себя по отношению к нам, хуторянам, в том числе и владельцам хат, по-хозяйски.

Румыны разговаривали на своём языке, который даже мы, дети, уже отличали от немецкого. В связи с румынами вспоминается следующее. Как-то группа румын в нашем огороде на необработанной делянке кукурузы наломала уже полностью созревших и высохших кочанов. Вручную обрушили кочаны и на нашей ручной мельнице намолотили кукурузы. Из кукурузной муки на невысокой переносной металлической плите, которая очень долгое время стояла у нас посередине двора и постоянно дымилась, сварили в широкой алюминиевой кастрюле мамалыгу. У нас в хуторе из кукурузной крупы варили кашу. Особенно вкусной получалась каша, если её варили с тыквой. Из кукурузной муки пекли чуреки. А тут непонятное слово и блюдо «мамалыга». Но дело даже не в этом. Румыны не стали есть мамалыгу горячей, а дали ей время остыть и затвердеть в низкой, но большого диаметра алюминиевой кастрюле. После этого на уже подготовленный стол они перевернули кастрюлю, и мамалыга оказалась на столе, напоминая по виду торт. И вот тут самое главное, что поразило моё детское восприятие и запечатлело случай с мамалыгой в памяти на всю жизнь. Мамалыжную кругляшку румыны резали не ножом, а прочной, как тогда называли суровой, ниткой. Этой туго натянутой ниткой они обжимали мамалыгу по пересекающимся диаметрам сверху вниз и протягивали нить по низу мамалыжной кругляшки. В результате получили ровные сегментные кусочки мамалыги, одним из которых угостили и меня. Позже, уже во взрослой жизни, мне доводилось есть мамалыгу, но вкус и запах той румынской мамалыги времён войны у меня остался в памяти до настоящего времени.

Диверсанты

В одном из самых больших и высоких колхозных амбаров, примыкавших к трегубовскому двору, немцы начиная с августа – со своего прихода в хутор – организовали тюремное помещение для содержания под стражей наших военных лётчиков, сбитых в воздушных боях над просторами моздокской степи и там же взятых в плен после приземления с парашютами. Толстую деревянную дверь этого амбара внизу повело, и она неплотно заходила в коробку. Вот в эту щель мы, дети, просовывали пленённым лётчикам рубленый табак – самосад – и что-то из еды, которые нам вручали наши мамы. Часовые у амбара, круглосуточно охранявшие эту дверь, нам, малышам, благосклонно разрешали это делать.

В бригадном дворе расположилось что-то наподобие штаба какой-то тыловой немецкой части. Во всяком случае, оттуда были протянуты два тонких, как потом стало понятно, телефонных провода. Провода были протянуты по убранным и заснеженным огородам с промёрзшей землёй. Непосредственно к территории бригады примыкал огород и хата Трегубовой тётки Гали – мамы моего друга Шурки. По белому заснеженному трегубовскому огороду эти провода чётко просматривались и тянули нас, детей, к себе своей неизвестностью: «А шо це такэ?» И вот с Шуркой (он был старше меня) однажды, уже в декабре, топором на мёрзлой земле их огорода мы вырубили кусок длиной метра три зачем-то понадобившегося нам провода, проложенного по земле через огород.

Реакция немцев на разрыв по линии связи была мгновенной. Нас практически застали на месте – ведь трегубовский огород по длине провода соседствовал с бригадным двором. А поиск повреждения на линии немцами вёлся от штаба, то есть из бригады. Нас, пойманных на месте, да ещё и с топором, немецкие связисты за руки буквально притащили в бригаду. Притащили, потому что, как мы ни упирались, наша обувь проскальзывала по снежному насту. А что мы упирались – это я помню точно. Разбирались с нами достаточно жёстко и долго. В помещении, куда нас затащили связисты («кабинет» бригадира нашей колхозной бригады), было человек пять немцев, и почти все в офицерской форме. Нас усиленно и долго пытали. Конечно, пытали не в смысле физических насилий, а строго, с пистолетом в руках, громко и настойчиво задавали интересующие в этом случае немцев вопросы: «Кто научил? Кто заставил?» Спрашивали на русском языке через переводчика. Причём по интонации вопросы на немецком языке звучали более резко и строго, чем в переводе. А что мы могли ответить? Ведь мы сами не понимали даже здесь и сейчас, что сотворили, и не понимали того, за что и почему это с нами так строго обходятся. Ведь нам с Шуркой всего-навсего нужен был кусок чего-то тонкого и чёрного, маняще выделяющегося на заснеженном огороде. Для нас с Шуркой это была очередная обычная детская шалость без технических и тем более идейных задумок и последствий. Поэтому, возможно, ожидаемого немцами ответа на их вопросы «Кто научил? Кто заставил?» от нас с Шуркой получить они не могли. Кончилось тем, что в бригаду-штаб пригласили наших матерей. С ними долго и строго поговорили через переводчика и разрешили забрать нас. Дома мы с Шуркой каждый отдельно получили от мам хорошую порку.

Немецкий туалет

Из всего связанного с немцами вспоминается их туалет. В хуторе в то время и ещё долго после войны никакого водопровода не было, а канализации нет и по сей день. Воду брали из колодца. Колодец был глубиной метров двенадцать и располагался на пустыре (теперь это начало улицы Дружбы, где выстроен храм). Вода была холодной и очень вкусной.

Водолеем на хуторском колодце дед Старченко работал до немцев, при немцах и ещё очень долго после войны. И всё это время с одной и той же неказистой и непородистой лошадейкой, впряжённой в торец деревянного бруса, соединённого с такой же деревянной осью барабана. Эта гнедая лошадка с лохматой гривой была настолько обучена наматывать обороты большущего барабана, что делала это автоматически, как запрограммированный механизм. Смысл лошадиных круговых оборотов был в том, что надо было сделать определённое их число в одну сторону (пока одна бадья поднимается – трос наматывается, а вторая опускается – трос разматывается) и остановиться именно в той точке, когда поднимающаяся бадья окажется на самом вершине, удобном для её опрокидывания и слива воды в короб. После определённой паузы лошадь должна развернуться и отмотать ровно столько же оборотов в другую сторону – назад. При этом бадьи меняются местами: поднимавшаяся будет уже пустой опускаться, а опускавшаяся будет подниматься заполненная водой. Мы, детвора, подолгу наблюдали за этой «автоматизированной системой дед – лошадь» и ну никак не могли понять: откуда лошадь знает, сколько кругов надо намотать, когда и где надо остановиться, сколько секунд держать паузу и когда начинать разворот. Ведь дед никаких голосовых команд лошади не давал. Всё это нас просто поражало, тем более что ответов на наши вопросы мы не находили, и вся эта колодезная круговерть оставалась для нас необъяснимой и загадочной. А «запрограммированный автоматический механизм дед – лошадь» продолжал без сбоев работать ежедневно годами, обеспечивая весь хутор чистой холодной колодезной водой. И уже после войны, в конце 50-х и начале 60-х, другое поколение детворы точно так же, как и мы когда-то, заворожённо наблюдало слаженную работу этого чуда, «механизма дед – лошадь», и искало и не находило ответа на вопрос «Как это получается?».

Так вот, немцы осенью и зимой, но по погоде умывались на улице во дворе колодезной водой, раздеваясь по пояс. Для меня эта их утренняя процедура была непонятна. И уж вовсе абсолютно непонятной была их манера сидения в туалете. Для нас, жителей хутора, особенно детвора, туалетом были кустики в огороде. Правда, в каждом дворе что-то наподобие туалета существовало в виде плетней, жести, досок и других отгородок. Но нигде ни у кого устройств для сидения тогда не было. Немцы же для этой цели вбили в землю на открытом для всех месте нашего огорода перед ещё не убранной кукурузой две рогатулины и на них положили деревянную перекладину. Тогда понять и оценить эту конструкцию и манеру сидения на ней с газетой в руках мне было трудно. Тем более что это делалось в открытом огороде, правда спиной к хате и улице, откуда наш огород полностью просматривался. Поэтому это воспринималось нами, детьми, да и взрослыми, как чудачество.

Ну как так – взрослый дядя на виду у всех снимает брюки и с голой задницей садится на это устройство, не обращая никакого внимания на любого, кто мог это видеть со двора и даже с улицы. Ведь жители хутора, в том числе и дети, в этих случаях прячутся от дворов и улицы за кустики и за всевозможные отгородки. Таков наш менталитет.

Я долго размышлял над этой картиной и пришёл к выводу, что менталитет немцев в этом вопросе ни при чём. Просто нас, аборигенов, они за людей не считали. Для них мы были варварами, стесняться которых ну никак не следует. Нас они воспринимали так, как мы воспринимали курицу, кошку, собаку, козу и другую живность, которая проходит мимо, когда ты сидишь за загородкой и справляешь нужду. Людьми в данном случае в полном смысле этого

слова мы для немцев не были. Во всяком случае, мы, хуторские аборигены, для немцев людьми, равными им, не были и не могли быть. А поскольку мы неполноценные люди, то и считаться с нами, и стесняться нас для них, арийцев, не было никакого смысла. Другого объяснения публичного сверкания голыми задницами и абсолютно спокойного справления своей нужды на виду у жителей хутора у меня нет. Нельзя же в этом уподобляться обезьянам, скотине и другим животным. И немецкий менталитет в данном случае ни при чём. В этом, скорее всего, я склонен считать виновной гитлеровскую философию арийского превосходства и тому месту славян, которое им отводилось в этой человеконенавистнической теории и практике её внедрения на оккупированных славянских территориях во время ВОВ.

Правда, здесь можно возразить тем, что всё это они делали и на виду у своих мужчин (немецких женщин за всё время оккупации увидеть не пришлось). Но это является темой их внутренних разборок, для которых немецкий менталитет, возможно, и имеет значение, но культурой цивилизованного человеческого поведения в данном случае и не пахнет. А я же здесь говорю о нашем менталитете и о том, как и почему этот менталитет немцами был полностью игнорирован. Да кто мы такие, чтобы арийцы с нами считались или в данном случае стеснялись нас – вот философия, внедрённая в мозги немецких солдат.

Возможно, я ошибаюсь, рассматривая туалет немецких солдат под таким углом зрения, и делаю из этого достаточно глубокие обобщения и выводы. Но к этому факту я очень часто возвращался в своих воспоминаниях о войне и подолгу размышлял над увиденным тогда. Мой вывод, к которому я пришёл уже достаточно взрослым и на который я, бесспорно, имел основания и право, изложен выше.

Похоронная команда – военный катафалк

С наступлением зимы рядом с нашей хатой практически каждый день останавливалась машина с высокими деревянными бортами и брезентовым тентом, закрывающим весь кузов. По внешнему виду машина была похожа на наш послевоенный ГАЗ-51 или ГАЗ-66 – с такими же деревянными бортами, с открывающейся дверкой на заднем борту. Немецкая машина появлялась примерно в одно и то же время во второй половине дня. Водитель и сопровождавшие его два немца отогревались и отдыхали в соседней хате моей крёстной мамы – тёти Гали по фамилии Прощайло. Меня же раздирало любопытство: что возит эта машина и какой груз находится в кузове под брезентом? А вдруг окажется, что там найдётся что-то съедобное? И вот как-то мне удалось забраться на металлические ступеньки заднего борта машины, оставленной без присмотра под нашим окном. Причём это было зимой, ближе к Новому году, в очень морозный день, когда голыми руками прикасаться к металлическим частям не следует. И я помню, что у меня была для этого одна варежка на две руки. Задняя дверца оказалась не запертой на металлическую защёлку, и я (при моём-то росте!) умудрился её открыть. Та страшная картина, которую я увидел в кузове этой машины, у меня перед глазами и сейчас и останется со мной на всю жизнь.

В кузове по его ширине и длине плотно друг к другу лежали замёрзшие трупы убитых на передовой немцев. Они были сложены штабелем один на другого по высоте в полных два ряда по длине кузова. Об этом можно было судить по высоте штабеля и практически упирающейся в задний борт обувью сложенных трупов. Сверху двух рядов лежало ещё несколько трупов. Трупы лежали ногами, или подошвами обуви, ко мне. Обувь, судя по подошвам, не была стандартной и с разбросом по размерам. Подошвы были чистыми, без грязи, ведь началась зима, и стояли морозы. На многих каблуках блестели отшлифованные металлические набойки. Трупы были сложены без персонального или общего укрытия, каждый в своей военной форме. Сейчас, оценивая возможное количество трупов в той машине, можно утверждать, что тогда их в машине могло быть более тридцати. Причём осенью у моей крёстной этой машины видно не было или, возможно, она была, но не так часто. А вот в зимний период, в декабре, эта машина регулярно курсировала между передовой линией фронта и тылом, и это было видно по почти ежедневным её остановкам для обогрева и обеда шофёра и двух его сопровождавших в доме нашей кумы.

Отступление немцев и приход наших войск

Прекрасно помню события, связанные с отступлением и уходом немцев с хутора и приходом наших войск. Немцы отступали и оставили хутор организованно. Боя, паники и бегства не было. Это происходило в январе, сразу после Нового года. Город Моздок наши с боями освободили 03.01.1943. Вот где-то в этом временном промежутке, днём позже или днями раньше, немцы ушли из хутора, и закончилась наша оккупация. Уходили они и те, кто базировались в хуторе, и те, кто отступали с передовой, организованно – на танках, машинах и мотоциклах. Я специально подчёркиваю механизированный отход немцев, так как приход в оставленный ими хутор передовых наступающих частей нашей Красной армии был прямой противоположностью. Разрыв по времени между уходом немцев и приходом наших войск был небольшим. Безвластие продолжалось сутки или двое. Но этот промежуток пронзительной зимней тишины помнится и сейчас. Ясным морозным днём ближе к обеду вначале за Неволькой (в морозном воздухе звуки оттуда хорошо были слышны в хуторе), а потом и по центральной улице хутора началось перемещение наших частей с востока на запад. Такого количества наших солдат, вооружённых автоматами и винтовками, и военной техники, одновременно перемещавшейся по центральной улице хутора, мне ни до, ни после видеть не приходилось. Солдаты перемещались не строем взводов и не ротной колонной, а по одному, по двое, по трое и группами, неравномерно распределёнными по ширине улицы и растянутыми по длине хутора. Причём весь личный состав и военное снаряжение этих частей, начавших долгожданное наступательное движение на запад, перемещались на своих двоих, то есть пешим порядком, или на упряжках лошадей, волов и даже верблюдов. Именно тогда я впервые увидел этих двугорбых обитателей пустынных степей, впряжённых для перемещения орудий с длинным толстым стволом, опущенным параллельно земле. Машинной или тракторной тяги было очень мало. Всего их прошло несколько единиц, перемещавших тяжёлые орудийные установки. Весь хутор и его окрестности заполнили звуки погонных возгласов и призывов к живой тягловой силе: «Но!», «Тпру», «Цоб», «Цобэ», «Быстрее!», «Куда прёшь?» и другие более резкие из русской речи выражения, прекрасно звучащие на морозном воздухе, в отличие от немецкой отрывистой, как бы лающей, речи и командных возгласов, которые пару дней назад звучали здесь же на центральной улице хутора, когда немцы его оставляли в точно такой же морозный день. В воздухе стояли звуки скрипа и скрежета транспортных средств, колёс орудий и другой военной колёсной техники (танков не было), которые выделялись и отличались от скрипа и хруста примороженного снежного покрова под ногами пешеходов. Солдаты были одеты по-зимнему, с опущенными ушами своих воинских шапок, а некоторые, но не обязательно командиры, и в овчинных тулупах. Несмотря на двадцатиградусный мороз и длительную ходьбу по снегу, которая всегда тяжелее перемещений по земле, лица солдат уставшими не выглядели. Наоборот, свободное от строя перемещение солдат с возможностью голосового общения друг с другом и осознаваемая ими причина вот такого перемещения психологически отодвигали усталостный порог и одновременно украшали солдатские лица, независимо от возраста, прекрасным настроением. У многих из них на лицах читались улыбки, а щёки, благодаря морозу, были подкрашены оттенками алого цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.